

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____ О.В. Магировская
« _____ » _____ 2018 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ
ВЫРАЖЕНИЯ В ДИСКУРСЕ ТОК-ШОУ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

П.Е. Ботвина

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц.каф. ТГЯиМКК
Е.С. Мучкина

Нормоконтролер

Э. А. Тарасенко

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ЛОГИКЕ И ЛИНГВИСТИКЕ.....	6
1.1 Язык как отражение результатов познания.....	6
1.2. Понятие грамматической категории в лингвистике.....	10
1.3. Объём и структура категории модальности.....	16
1.4. Эпистемическая модальность и средства ее выражения.....	22
1.5. Дискурс ток-шоу как объект анализа.....	25
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	34
ГЛАВА 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	36
2.1. Языковые средства выражения эпистемической модальности в разных лингвокультурах.....	36
2.2. Лексические средства актуализации эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу.....	41
2.3. Грамматические средства актуализации эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу.....	44
2.4. Просодия как средство актуализации модальных значений в речи участников ток-шоу.....	55
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	60
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	63
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	71

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы обусловлена антропоцентрическим подходом современных лингвистов к исследованию языковых фактов, повышенным интересом к роли говорящего и воспринимающего коммуникантов, а также недостаточно четким определением языковых границ модальности.

Объектом исследования является функционально-семантическая категория эпистемической модальности в английском и русском языках. Предметом выступают языковые средства выражения эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу.

Цель работы – рассмотрение и типологизация средств выражения эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу. В рамках данного исследования были выделены следующие задачи:

1. определение сущности и границ ключевых понятий: модальность, эпистемическая модальность, дискурс, дискурс ток-шоу;
2. уточнение статуса категории модальности;
3. выявление ключевых характеристик эпистемической модальности;
4. установление специфических характеристик дискурса ток-шоу;
5. выявление лексических, грамматических и просодических средств актуализации эпистемической модальности в дискурсивном пространстве ток-шоу.

Материалом исследования послужили видеозаписи и скрипты англоязычных и русскоязычных ток-шоу: «The Graham Norton Show», «The Paul O'Grady Show», «Top Gear», «Actors on Actors», «Женский взгляд», «Познер», «Вечерний Ургант», размещенных в свободном доступе на различных интернет-ресурсах. Общая продолжительность воспроизведения составляет 17 ч. 42 мин.

В работе использованы как общенаучные методы (наблюдение, сравнение, описание), так и лингвистические методы исследования: метод

сплошной выборки, метод семантического анализа, дефиниционный анализ, контент-анализ.

Теоретико-методологическую базу составляют работы, посвящённые исследованиям эпистемической модальности, средств ее актуализации, а также дискурса ток-шоу. В их числе работы Н.Д. Арутюновой, М.А. Битнер, А.В. Бондарко, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, Т. Ван Дейка, В.И. Карасика, Л.А. Козловой, Е.С. Кубряковой, О.В. Смуровой.

Научная новизна исследования состоит в избранном когнитивно-дискурсивном подходе к изучению категории модальности, а также в компаративном подходе к изучению языковых средств выражения эпистемической модальности в русскоязычном и англоязычном дискурсе ток-шоу.

Теоретическая значимость данной работы заключается в отражении и развитии исследований категории эпистемической модальности, ее места в английском и русском языке, а также роли, которую она играет в дискурсивном пространстве ток-шоу. Кроме того, были исследованы специфика употребления средств актуализации эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу, особенности категории эпистемической модальности в английской и британской лингвокультурах.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения теоретической и практической части исследования для изучения особенностей употребления эпистемических модальных маркеров в речи, а также комплексного изучения их функций. Материал исследования может послужить дополнением к учебно-методическому материалу по теории модальности.

Результаты исследования были представлены на международной конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека», проходившей в г. Красноярск в апреле 2018 г. Основные тезисы исследования были опубликованы:

1. в статье под названием «Грамматические средства выражения эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу», журнал «Siberia Lingua», 2018 г.;

2. в сборнике статей по итогам участия в конкурсе «В мире науки: вопросы филологии, лингводидактики и переводоведения» под названием «Эпистемическая модальность в дискурсе ток-шоу», 2018 г.

Поставленные цели и задачи определили структуру работы, которая состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и списка иллюстративного материала.

Во введении дается обоснование актуальности исследования, определяется его предмет и объект. Кроме того, во введении сформулированы цели и задачи исследования, его новизна, теоретическая и практическая стоимость работы.

В первой главе исследования рассматриваются основы модальности в логике и философии, ее языковой статус как категории, а также особенности эпистемической модальности и дискурса ток-шоу.

В практической главе исследуются особенности выражения эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу, различные виды маркерном эпистемической модальности, а также специфика категории эпистемической модальности в русской и английской дингвокультуре.

В заключении отражены результаты исследования. Общий объем работы составляет 71 страницу. Список использованной литературы включает 97 наименований.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ЛОГИКЕ И ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Язык как отражение результатов познания

Одним из ключевых процессов в жизни человека является когниция. Этот термин означает совокупность процедур и методов приобретения знаний о закономерностях и явлениях реального мира, а также результат этого процесса – знания [Болдырев, 2014: 20]. К когниции относят весь ряд познавательных процессов, связанных с получением информации, в том числе наблюдение, категоризацию, мышление, речь. При этом когниция охватывает не только целенаправленное теоретическое познание, но и обыденное. Субъектом когниции является индивид, объектом – объект или явление реального мира, воспринимаемое индивидом.

Существует множество процессов, способствующих познанию субъектом реального мира и отношений между его объектами. Так, когнитологи выделяют чувственные и рациональные когнитивные процессы. Чувственные основываются на эмпирическом опыте, на показаниях органов чувств. Рациональные – на абстрактном мышлении, они позволяют выйти за рамки органов чувств.

С точки зрения когнитологов, процесс чувственной когниции включает в себя три составляющих: ощущение, восприятие и представление [Лекторский, 2001: 127]. Ощущение представляет собой отражение отдельных свойств предметов реального мира, воспринятых органами чувств (запах, цвет, вкус, форма, и т.д.). Результатом восприятия является целостный образ предмета или конкретного человека. Восприятие, в отличие от ощущения, осмысленно (изучение чертежа подготовленным глазом явит его суть, однако без сопроводительных знаний чертеж бесполезен). Представление – это сохранившийся в памяти чувственный образ предмета, который был воспринят ранее. Ключевым отличием представления является

возможность вызвать образ предмета без непосредственного воздействия на органы чувств, необходимого для ощущения и восприятия (образ «лимон» возникает в сознании без необходимости чувствовать характерный аромат или видеть желтую цедру цитруса, при условии, что человеку уже знаком этот конкретный образ).

В свою очередь, рациональные процессы имеют три формы: понятие, суждение и умозаключение. Понятие – это мысль, отражающая предметы, явления и связи между ними в обобщенной форме. Так, «книга» не означает какую-либо конкретную книгу, но целый класс предметов одного типа. Понятие направлено на отражение сущности предмета, а не его отдельных признаков. Суждение позволяет отрицать или утверждать при помощи различных понятий и связей между ними: «Серебро – металл», «Яблоко – не овощ» и т.д. Умозаключение представляет собой рассуждение, в результате которого приводится вывод [Лекторский, 2001: 141].

С точки зрения когнитивной психологии, все процессы когниции индивидуальны и субъективны, поскольку, во-первых, каждый индивид вычленяет наиболее важные конкретно для него признаки предмета (например, цветок может быть красивым для художника, увядающим для флориста и опасным для аллергика); во-вторых, выделяемый по одному критерию признак может читаться индивидами по-разному (смородина может казаться кислой одному и сладкой другому).

Все формы когниции в конечном итоге направлены на освоение окружающего мира и помощь в ориентировании в нем с помощью накопленных знаний и опыта. Это, по мнению когнитологов [Болдырев, 2014: 37], невозможно без четкой классификации окружающих предметов и явлений. Центральное место в создании классификации занимают когнитивные процессы концептуализации и категоризации.

Концептуализация и категоризация представляют собой классификационные процессы, однако их существенное отличие – в результатах. Если концептуализация направлена на выявление

«минимальных содержательных частиц человеческого опыта» [Болдырев, 2014: 37], то категоризация призвана объединять их в группы (называемые категориями) по сходным признакам [Кубрякова, 1996: 93].

Процесс концептуализации протекает через осмысление информации и последующее мысленное оформление предметов и явлений в памяти в виде концептов: «яблоко», «дом», «стул», «процесс», «время» и т.д. Большинство концептов отражены в языке в значениях конкретных слов, что способствует дальнейшей передаче информации. При этом концепты воспринятые различными индивидами, будут обладать индивидуальной окраской, несмотря на наличие конкретного языкового обозначения (так, у одних «автомобиль» будет ассоциироваться с запахом бензина, у других – с первой купленной моделью машины, у третьих – с четырьмя колесами и кузовом и т.д.).

Основной составляющей процесса категоризации является соотнесение объекта или события с определенной категорией (и признаками, присущими включенным в нее объектам). В таком случае языковой обмен информацией происходит также путем соотнесения наименования категории с имеющейся у конкретного индивида системой знаний (классификацией). Таким образом, восприятие категории также является индивидуальным, субъективным процессом.

В основном знания о мире хранятся в людском сознании именно в категориальной форме, поскольку представляется невозможным запомнить обилие признаков каждого конкретного концепта. Знание об определенной группе концептов объединяются в категорию, например, «стул – то, на чем сидят», и может включать в себя концепты «табурет», «пуф», «офисное кресло», «сидение», и т.д. Для того, чтобы применить название категории к конкретному объекту, требуется соотнесение объекта с признаками категории.

Как можно заметить, практически все концепты и категории находят отражение в языке. Именно язык служит средством обработки, передачи и

хранения информации. Проблемам изучения языка как инструмента когниции посвящена когнитивная лингвистика. Основной функцией языка как средства когниции является активизация концептов и категорий путем передачи информации (задействования их в речи) и закрепление знаний, содержащихся в них.

Большинство простых концептов находят отражение в языке и речи в виде слов и словосочетаний («сок», «болгарский перец», и т.д.), однако по мере усложнения концепта и активизации дополнительных компонентов может потребоваться целое предложение, абзац или текст (например, «кот Шредингера – мысленный эксперимент из квантовой механики, предложенный Э. Шредингером»). Для уяснения абстрактных концептов порой может быть необходимо пояснение целого ряда ситуаций («синекдоха», «уйти по-английски», «стереотип» и т.д.).

Категории, как правило, носят название, состоящее из слова или словосочетания, так как их емкости зачастую достаточно, чтобы выразить сущность категории, например: «птицы», «члены семьи», «художественные средства выразительности».

При задействовании концептов и категорий в речи в процессе обмена информацией между индивидами (коммуникации) обнаруживается многомерность отношений реального мира и их отражения в языке. Так, при взаимодействии субъектов и объектов порождает следующие типы отношений:

1. отношения между объектами;
2. отношения между объектом и субъектом;
3. отношения между субъектами.

Отношения первого типа являются источником объективного в языке, поскольку их выражение представляет собой суждение или пропозицию, описывающую соотношение между объектом и признаком или двумя объектами (т.н. дескриптивное высказывание или констатация факта реальности). Внутренняя модальная рамка такого высказывания задана

модальным оператором, определяющим отношения как случайные, необходимые, невозможные или возможные [Битнер, 2007: 20]. Рассмотрим на примере высказывания *Земля является круглой*, в котором неотъемлемость характеристики *круглая* от объекта *Земля* задана глаголом *является*, что позволяет определить данные отношения как необходимые.

Отношения второго типа объясняются присутствием в процессе когниции субъекта. Согласно теории Ш. Балли [Балли, 1955: 44], любое высказывание предполагает наличие модального субъекта, так как информация воспринимается и подается с его точки зрения: *Я думаю, пойдет дождь*. Безличные высказывания, с точки зрения Ш. Балли, также подчиняются этому правилу: *Темнеет = Я вижу, что темнеет* (в данном случае модальная рамка опущена). Таким образом, вербальная экспликация субъективной модальности необязательна, однако зачастую присутствует в высказываниях и представляет собой субъективный аспект языка.

Отношения третьего типа интерсубъектны и находят выражение во взаимодействии говорящего и слушающего, в т.н. актах коммуникации, речи, отражаясь в индивидуальных особенностях использования языковых средств.

Таким образом, язык является одним из основных инструментов когниции; он включает в себя объективный и субъективный аспекты, присутствие которых определено наличием объективно существующего реального мира и субъекта, его познающего. Результаты когнитивных процессов (знания) закрепляются в сознании в виде концептов и категорий.

1.2. Понятие грамматической категории в лингвистике

Категория является результатом процесса категоризации и представляет собой основную форму хранения человеческих знаний о мире, полученных в результате когнитивных процессов. Поскольку когниция направлена на все сферы жизни и познание мира в целом, термин «категория» нельзя назвать исключительно лингвистическим. Он

принадлежит к числу общенаучных понятий и восходит к истокам изучения познавательных процессов человека.

Впервые термин «категория» был введен философами и понимался как совокупность наиболее общих и важных свойств и отношений предметов и явлений реального мира [Никифоров, 1995]. Так, к философским категориям относятся время, пространство, материя и т.д.

Среди философов первым определил и выделил категории Аристотель [Аристотель, 1939: 11], установив также их строгие рамки. Согласно его подходу, все члены категории обладают набором обязательных существенных признаков. Если какой-либо признак отсутствует, объект не может быть отнесен к данной категории. При этом все элементы одной категории равно значимы, а границы категории строго определены.

Отличный от аристотелевского подход был разработан в XX в. психологом Э. Рош [Рош, 1978]. В соответствии с теорией Э. Рош, в центре (ядре) категории стоит прототип, ее наиболее типичный представитель, обладающий свойствами и признаками, присущими элементам данной категории. Чем меньше типичных признаков имеет элемент, тем он ближе к периферии и тем меньше похож на прототип. Иногда такие периферийные элементы могут находиться на стыке нескольких категорий или переходить из категории в категорию (например, дельфин является млекопитающим, хоть и живет в воде, следовательно, иногда может квалифицироваться как рыба).

В процессе переноса термина «категория» в лингвистику, модель Э. Рош была взята за основу понимания и использования данного понятия. Ключевым адаптированным положением стало признание наличия внутренней структуры категории, призванной отражать реалии объективной действительности. При этом в лингвистике сам термин не получил однозначной трактовки, и может быть использован для обозначения:

- лингвистических классов, например, категории частей речи: существительное, наречие, глагол;

- способа организации и существования этих классов: время, число, наклонение, лицо и т.д.

Как и категории в философии, лингвистические категории призваны отражать типы отношений реального мира. В соответствии с типом отношений выделяют следующие виды категорий:

- рефлексивные – отражают отношения между объектами, существующие в реальном мире; могут быть выделены с помощью сравнения с экстралингвистическими категориями (так, категории количества соответствует категории числа и числительного, категории качества – прилагательного и т.д.);

- антропоцентрические – призваны выражать мнение познающего мир субъекта и не существуют без него; таким образом, они отражают оценки и отношения человека и отношения между субъектом и объектом и между двумя субъектами;

- реляционные или операционные категории являются «служебными», они обеспечивают связь между частями структуры предложения (например, категория падежа прилагательных).

По факту наличия выражения в языке выделяют два типа ментальных категорий, формирующихся в процессе когниции:

- собственно понятийные категории – отражающие области представлений, не нашедшие вербального выражения;

- языковые категории – вербально выраженные результаты когнитивных процессов.

Понятийные категории представляют собой смысловые компоненты общего характера, которые свойственны не отдельным языковым единицам, но обширным классам слов. Они рассматриваются безотносительно конкретному способу выражения, поскольку могут быть выражены обилием различных средств. Понятийные категории являются универсалиями, свойственными большинству языков мира. Языковые категории, в свою очередь, представляют собой особый формат знания, концептуальную

структуру в лингвистике. И понятийные, и языковые категории являются результатом процесса когнициии.

Выражение результата когнитивного процесса в языке может иметь две формы: номинация нового фрагмента реального мира или описание структуры этого фрагмента и присущих ему признаков. В первом случае речь идет о лексическом значении языковой единицы, во втором – о грамматическом [Битнер, 2007: 22]. Соотношение этих значений определяет типологическую разновидность языка. При этом в различных языках одни и те же результаты познания могут характеризоваться лексическими или грамматическими категориями. Центральными в языковой системе являются грамматические категории [Адмони, 1979: 9].

Грамматическая категория в лингвистике понимается как «система выражения общего грамматического значения посредством парадигматической корреляции грамматических форм» [Блох, 2000: 80]. Такие категории обладают набором определенных свойств:

1. обязательное наличие плана содержания и плана выражения;
2. независимость от лексического значения;
3. выражение грамматического значения;
4. характеристика класса слов, попадающих под общее значение;
5. обязательное наличие структурирующих оппозиций (так, например, *меч-мечи*: при противопоставлении единственного и множественного чисел рождается категория числа).

Выделяют несколько типов грамматических категорий:

1. по количеству объединяемых форм:
  - бинарные (спряжение, число, переходность, возвратность);
  - тринарные (лицо, склонение);
  - многочленные (падеж);
2. по способам формального выражения:
  - морфологические (выражены в формах слова, например, категории вида, залога);

- синтаксические (выражены предложением или словосочетанием, например, коммуникативная направленность высказывания).

Помимо вышеупомянутых категорий выделяются также дискурсивные категории [Олешков, 2006: 106], называемые также коммуникативными. Такие категории стоят над морфологическими и синтаксическими и призваны выполнять исключительно коммуникативные задачи. Значение этих категорий указывает на коммуникативную установку и возникает в результате необходимости отражения отношений между двумя субъектами.

Среди подтипов коммуникативных категорий выделяют модусные категории. Модальные категории служат для отражения отношений реального мира, а оценочность – для отражения отношения субъекта к ним (оценочность) [Битнер, 2007: 27].

Наиболее подходящей для модусных категорий является ниша функционально-семантических категорий. Функционально-семантические категории были разработаны в результате анализа выражения одного значения различными формами (например, значение времени может быть передано формой глагола, рядом наречий, существительных и т.д.).

В отличие от остальных категорий, выделенных на основе тождества формы выражения (лексические, грамматические), функционально-семантические категории выделяются на основе тождества значений (сем), то есть содержания.

Профессор А.В. Бондарко определяет функционально-семантическую категорию как категорию, группирующую средства различных уровней языка, способных выразить определенную семантическую категорию (смысл), а также комбинирующую языковые средства, взаимодействующие на основе общности семантических функций [Бондарко, 1971, с. 56].

Функционально-семантические категории имеют полевою структуру. Средства выражения смысла расположены от центра к периферии по принципу частотности употребления. Ее центр составляет грамматическая категория или класс слов в качестве единицы языка, наиболее часто

употребляемая для выражения определенного смысла. Другие компоненты расположены на периферии на различном расстоянии от ядра.

Будучи антропоцентрическими по своей сути как когнитивные, категории находят отражение в различных видах дискурса и текста. Профессор И.Р. Гальперин выделяет самостоятельный вид – текстовые категории [Гальперин, 2006: 4]. Они названы текстообразующими и призваны отражать определенную часть текстового смысла языковыми, речевыми и текстовыми средствами. В их число входят категории информативности, когезии, членимости, континуума, интеграции, завершенности и т.д. Основу текстовых категорий составляет оппозиция плана содержания и плана выражения – целостности и связности.

Появление термина «текстовая категория» связано с активным изучением структуры текста в современных лингвистических исследованиях. Это становится возможным только с опорой на элементарные единицы текста: слова и речевые приемы. Текстовая категория предлагает такие единицы анализа для изучения текста. Каждая из них объединяет одну смысловую линию текста, выраженную особыми языковыми средствами и организованную во внутритекстовую целостность. Совокупность текстовых категорий составляет текст как единую смысловую сущность.

В языке существует множество различных категорий. Все они отражают различные типы отношений реального мира. Центральным в языковой системе является понятие грамматической категории, объединяющее большинство языковых феноменов. В процессе исследования языка учеными применяются соответственно текстовые и дискурсивные категории, для исследований способов репрезентации смысла различными языковыми средствами – функционально-семантические категории.

1.3. Объем и структура категории модальности

Среди многообразия языковых категорий особо выделяется категория модальности. Поиск аргументов, способных помочь определить ее границы, обращает исследователей к истокам, в частности, к логике и философии. Именно в этой науке модальность впервые была определена как категория, служащая для квалификации высказываний и суждений по характеру представленности отношений в онтологии и степени их познания [Трунова, 1995: 24].

Сам термин «модальность» произошел от латинского «modus», что значит «мера, способ». Впервые этот термин был введен Аристотелем для обозначения характеристики особенностей существования некоторого объекта или явления, протекания процесса («то, как что-то существует» [Аристотель, 2006: 301]). С его точки зрения, модальность отражает реально существующие возможности и необходимости.

Впоследствии схоласты Средних веков (И. Дунс Скотт, Фома Аквинский, П. Абеляр) развили идеи Аристотеля путем выведения двух видов модальностей: *de re* (описывает связь объекта и признака) и *de dicto* (характеризует степень познания отношений между объектом и признаком) [Швеглер, 2012: 132].

В логике и философии Нового времени наиболее значимый вклад в развитие теории модальности внес И. Кант в работе «Критика чистого разума»: «модальность ничего не прибавляет к содержанию суждения, а касается только значения связки по отношению к мышлению вообще» [цитата по Горскому, 1991: 55]. В зависимости от сущности высказывания И. Кант выделял суждения трех типов:

- ассерторические или суждения о действительности: *Сейчас идет дождь;*
- проблематические или суждения о возможности: *Возможно, завтра пойдет дождь;*

- аподиктические или суждения о необходимости: *Параллельные прямые не пересекаются.*

Классификация суждений И. Канта была впоследствии доработана, проблематические и аподиктические суждения были объединены в модальные, как выражающие отношение говорящего к высказыванию или факту окружающей действительности или утверждающие необходимый характер связи между объектом и признаком: *параллельная – не пересекается.*

Классификация И. Канта была заимствована современной лингвистической наукой, как и понимание понятия «модальность», обогащенное психологами, понимающими модальность как «свойство ощущений, используемое для описания качественных характеристик когнитивных образов» [Бендлер, 1982: 35].

Отмеченная выше многоаспектность термина «модальность» в логике, психологии, философии отмечается в лингвистической науке, где вопрос определения места категории модальности исследователи разрешают, опираясь на различные критерии. Так, она может быть отнесена к:

- синтаксическим категориям [Ермолаева, 1977], поскольку может быть выражена словосочетанием или предложением;
- текстовым категориям [Гальперин, 2006: 56], как категория, присущая любому тексту;
- семантическим категориям [Виноградов, 1975], как категория, наделенная определенным фиксированным смыслом [Ваулина, 1988: 16];
- функционально-семантическим категориям [Бондарко, 1971: 61], так как может быть выражена различными средствами и их комбинацией при наличии определенного смысла. Так, например, в русском языке эпистемическая модальность может быть выражена лексическими и грамматическими средствами: *Я думаю, что, он, вероятно, ушел в бар.*

В лингвистике модальность, как правило, определяется как функционально-семантическая категория, призванная выражать отношение

говорящего к содержанию его высказывания, отношение содержания высказывания к действительности [Зайнуллин, 1986: 13].

Вопрос определения объема категории модальности в лингвистике напрямую перекликается с двойственностью природы грамматических категорий. Как было отмечено, существуют рефлексивные (онтологические) категории, основанные на отношениях между признаками и объектами, а также антропологические (гносеологические), основанные на степени познания этих отношений индивидом [Трунова, 1991: 52]. Первые обособлены от субъекта, вторые не существуют без него. Эта неоднозначность природы категорий присутствует и в классификации модальностей: в зависимости от типа отражаемых отношений выделяют субъективную и объективную модальность.

Схема 1. Виды модальности

Модальность, выражающая характер сообщаемого к действительности (объектам), называется объективной; в свою очередь, модальность, выражающая отношение говорящего (субъекта) к сообщаемому, носит название субъективной [Виноградов, 1975: 280].

Объективная модальность является обязательным признаком любого высказывания, одной из категорий, формирующих предикативную единицу, обычно предложение. Она призвана выразить отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществимого) и ирреальности (неосуществимого). Такая модальность обычно выражается глагольным наклонением.

Объективная модальность тесно связана с категорией времени и дифференцирована по признаку временной определённости/

неопределённости. Объективно-модальные значения представлены системой противопоставлений, выявляющейся в грамматической парадигме предложения. При этом актуализация данного вида модальности состоит в приписывании предмету признака, не нарушая рамок предикации [Переверзев, 1998: 24]. Обратимся к примеру, где модальность выражается логической связкой между суждениями – *so: The clouds are gathering, so it is going to rain.*

В рамках объективной модальности выделяют деонтическую и алетическую модальности [Слинин, 1970: 135]. Деонтическая модальность выражает просьбу, совет, предписание, приказ или повеление говорящего. Она тесно связана с правовыми и моральными нормами, регулирующими поведение индивидов в обществе. Она выражается использованием таких маркеров, как: *it is allowed, prohibited, forbidden, banned, etc.* Деонтическая модальность также связана с парадигмой модальности нереальности, и в таком случае выражает облигаторность (*must*) и пермиссии (*may*). В целом, диапазон значений данного вида модальности обширен, он включает: эксоратив, императив, волюнтатив, юссив, облигатив, пермиссив и абилитатив.

Алетическая модальность выражает характер связи между субъектом и предикатом высказывания или суждения, касающийся степени возможности, вероятности и необходимости события. Алетическая модальность выражается следующими лексическими единицами: «возможно», «вероятно», «необходимо». Согласно позиции Я.А. Слинина, для них применим термин модальности существования, поскольку основная ассерторическая модальность противопоставлена модальностям необходимости и возможности, при этом утверждение и отрицание считаются логически равно ассертивными, так как фиксируют равнозначные категории: наличие или отсутствие признака [Слинин, 1970: 66].

Субъективная модальность, выражающая отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является

факультативным признаком высказывания. Ее семантический объем шире семантического объема объективной модальности. Значения, составляющие содержание данной категории, неоднородны и требуют упорядочения; многие из них не имеют прямого отношения к грамматике. Понятие оценки как таковое составляет смысловую основу данного типа модальности, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной реакции. Субъективная модальность охватывает всю гамму реально существующих в естественном языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого [Демина, 1984: 18]. Различают два вида субъективной модальности: аксиологическую и эпистемическую.

Аксиологическая, или оценочная модальность служит для выражения оценки суждения с точки зрения системы ценностей индивида или общества. Она может носить абсолютный характер (при оценке одного события без привязки к иному: good, bad) и относительный (при сравнении: better, worse). Средства выражения данного типа модальности взаимно определены, то есть употребляются попарно (better – worse). Аксиологическая модальность не имеет отражения на уровне грамматической категории и выражается исключительно лексическими средствами [Битнер, 2007: 48].

Эпистемическая модальность выражает степень достоверности знания и отношение говорящему к данному знанию. Эпистемическая модальность может быть выражена с помощью ряда различных средств, включая грамматические: модальные глаголы (could, can, may, might, must), конструкции, построенные по модели I+V_{cogn}. (I think, I suppose, I presume, etc.); лексические: наречия-аппроксиматоры (kind of, sort of, etc.), модальные частицы (hardly, etc.) [Смурова, 2011: 5] и т.д.

Как можно отметить, каждый из видов модальности обладает широким набором языковых средств актуализации, называемых также модальными маркерами. К их числу относятся лексические и грамматические средства выражения модальности. Особой категорией являются просодические

маркеры, служащие для оформления высказывания. Все эти маркеры составляют поле модальности и служат для выражения ее семантики.

В попытке определить семантический объем модальности как лингвистической категории были выделены четыре оператора, попарно состоящие в оппозиции: «НЕОБХОДИМО» – «НЕВОЗМОЖНО» (описание события или действия безотносительно условий их проявления), «ВОЗМОЖНО» – «СЛУЧАЙНО» (учитывают условия, необходимые для проявления) [Хлебникова, 1994, с. 8]. Данные понятия составляют семантическое ядро модальности в лингвистике. Они находят отражение в языке с помощью различных языковых маркеров в зависимости от вида модальности [Храковский, 1994: 129].

Таблица 1. Модальные операторы

Модальные операторы	Модальность		
	Алетическая	Деонтическая	Эпистемическая
Необходимо	Необходимо	Обязательно	Доказуемо
Невозможно	Невозможно	Запрещено	Опровержимо
Возможно	Возможно	Разрешено	Допускаемо
Случайно	Случайно	–	Неразрешимо

Как можно видеть в представленной выше схеме, в языке актуализируются три вида модальности: деонтическая, эпистемическая и алетическая, и модальные операторы находят в них различное выражение. При этом значение случайности исключено из поля деонтической модальности (поскольку норма не может быть случайной); а значения необходимости, возможности и невозможности составляют семантическое поле для все трех видов модальностей.

Таким образом, модальность в лингвистике определяется как функционально-семантическая категория, призванная отражать отношение говорящего к содержанию высказывания или окружающей действительности. Эти типы отношений определяют ее структуру и деление на субъективную и объективную, а также их дальнейшее членение. Семантический объем категории модальности задан рядом операторов:

«НЕВОЗМОЖНО», «ВОЗМОЖНО», «СЛУЧАЙНО», «НЕОБХОДИМО», находящихся выражения в языке.

1.4. Эпистемическая модальность и средства ее выражения

Как следует из предыдущего пункта, эпистемическая модальность является субъективной и находит отражение в языке. Рассмотрим особенности данной категории.

Согласно А.В. Бондарко, эпистемическая модальность – это функционально-семантическая категория, входящая в структуру субъективной модальности и передающая оценку знания говорящим возможности существования связи между объектом предикации и его признаком [Бондарко, 1971: 45].

В.З. Демьянков уточняет, что эпистемическая модальность служит для выражения говорящим своего отношения к высказываемому суждению с точки зрения того, что имеется, имелось или будет иметься в реальном мире, без привнесения деонтических аспектов (т. е. того, что должно или хорошо было бы, чтобы имелось)» [Демьянков, 1995: 267].

Поскольку, по мнению большинства исследователей, эпистемическая модальность представляет собой функционально-семантическую категорию, она обладает полевой структурой. Это означает, что все включаемые в ее объем смыслы могут быть выражены различными средствами языка, а сами эти средства (языковые маркеры) разположены по частотности от центра (наиболее употребляемые) к периферии (менее употребляемые). Необходимо рассмотреть, какими языковыми средствами может быть выражена эпистемическая модальность в разных языках.

Так, среди средств выражения эпистемической модальности в английском языке выделяют устойчивые синтаксические структуры (be likely to do), наречия-аппроксиматоры (sort of, kind of ,etc.), т.н. разделительные вопросы (He doesn't know the answer, does he?), модальные глаголы (must,

might, can), вводные модальные слова (evidently, inevitably, etc.), вероятностные наречия (surely, probably, certainly, etc.), Кроме того, могут быть задействованы глаголы мыслительной деятельности (to seem, to doubt, to hesitate, to waver, etc.). Выбор того или иного маркера обусловлен преследуемой говорящим целью, а также его стремлением к достижению эффективной коммуникации.

По мнению К. фон Финтеля и Э. Гиллиса [Финтель, 2007: 15], эпистемическая модальность в английском языке может быть выражена модальными глаголами (must, might, can, etc), модальными словами и выражениями (evidently, indeed, inevitably, vividly, etc). Кроме того, могут быть задействованы глаголы мыслительной деятельности (to think, to seem, to doubt, to hesitate, to waver, etc).

Во французском языке для актуализации эпистемической модальности широко используются глаголы мыслительной деятельности (penser, croire, supposer, imaginer, considerer, songer, etc.), модальными наречиями (surement, certainement, absolument, etc.), а также модальными глаголами, в т.ч. pouvoir, falloir. Возможно также использование различных конструкций, например: il est possible, il est probable, etc.

В испанском языке для выражения эпистемической модальности используются преимущественно глаголы мыслительной деятельности (creer, pensar, opinar, parecer, etc.), модальные наречия (probablemente, quizas, seguramente, seguro, etc.), модальные глаголы (poder, deber), а также различные конструкции, передающие значение уверенности или сомнения: tener que, hay que, ir a, etc.

Кроме того, эпистемическая модальность также может быть выражена комбинацией различных языковых средств. Так, М.А. Битнер отмечает, что это возможно, если модальные операторы выражают эпистемическую модальность, но исходят при этом от разных субъектов. В этом случае автор высказывания или цитирует мнение другого субъекта, или имеет место

диалог мнений [Битнер, 2007: 53]. Примером может послужить следующее высказывание: *She thought he was sure of his actions.*

Вышеперечисленные средства используются в языке для трансляции ключевого для понимания эпистемической модальности понятия «достоверности», поскольку эпистемическая модальность самым непосредственным образом связана с оценкой высказываемого суждения по линии «достоверно – недостоверно».

Уровень достоверности сообщаемого может варьироваться. Это позволяет выделить следующие виды эпистемической модальности: модальность достоверности и недостоверности. При этом достоверность понимается как знание, обладающее доказательной базой, в то время как недостоверность определяется как знание, не подкрепленное доказательной базой [Тер-Акопов, 2002: 55].

Выделяют два вида модальности недостоверности: модальность сомнения и модальность предположения. Сомнение предполагает наличие обработанной информации, в отношении которой выражается неуверенность (чаще относится к прошедшему времени). Предположение, в свою очередь, не имеет под собой фундамента знания, основываясь лишь на догадках говорящего (чаще относится к настоящему или будущему времени).

Недостоверность, как правило, выражается эксплицитно, через особые лексические и грамматические показатели, например, глаголы мыслительной деятельности (*to see, to presume, to think*) и наречия-аппроксиматоры (*sort of, kind of, pretty*): *I don't think her room got on fire, it seems kind of odd*, в то время как достоверность подается имплицитно: самим фактом отсутствия показателей недостоверности [Белошапкина, 1989: 684], поскольку употребление маркеров достоверности может считаться языковой избыточностью. В то же время выделяются маркеры достоверности, (однако чаще уверенность отмечается просто дескриптивным высказыванием как констатацией факта реальности: *Her leg was broken, so she panicked*), среди них – вероятностные наречия (*surely, apparently, certainly, clearly*) и

модальные слова (*inevitably, undoubtedly*), а также устойчивые синтаксические структуры: *Her wrist was broken, clearly, so she was likely to panic.*

Стоит отметить, что личная (субъективная) оценка суждения может влиять на степень уверенности собеседника, тогда как обратная зависимость встречается реже. Высокая степень уверенности необязательно является следствием обоснованности суждения. Чувство убежденности в суждении может возникнуть под влиянием внелогических, психологических, человеческих факторов (вера, интересы, утилитарные соображения, склонности, хобби, привычки, личные привязанности, которые не всегда поддаются осознанию и контролю). В таком случае желаемое может выдаваться за действительное. При этом для определения степени достоверности высказывания не имеет значения психологическая установка говорящего, важно лишь наличие доказательной базы.

Итак, эпистемическая модальность представляет собой особый тип модальности, выражающий отношение говорящего к достоверности суждения или знания. Этот вид модальности особенно связан с отношением говорящего к окружающей действительности, так как свое мнение он основывает на знании о ней, и может быть актуализирован с помощью различных модальных маркеров.

1.5. Дискурс ток-шоу как объект анализа

Для того, чтобы понять особенности актуализации категории модальности в дискурсе ток-шоу, необходимо прежде рассмотреть сам феномен дискурса.

Понятие «дискурс» прочно вошло в лингвистику из философии. В общем смысле оно означает речь, процессы языковой деятельности и предполагающие их системы понятий. Слово «*discursus*» (лат. «беседа») начало свою историю еще в V веке н. э., однако его приближенное к

современному пониманию употребление относится к периоду эпохи Возрождения, когда дискурс начали понимать как «средство выражения мыслей в речи» [Гутнер, 2010: 76].

В настоящее время существует два подхода к пониманию дискурса: структурно-текстовый и коммуникативно-речевой. В рамках структурно-текстового подхода [Демьянков, 2000: 86] дискурс определяется как последовательность высказываний, отрезок текста, превосходящий предложение [Звегинцев, 1976: 78]. Такая интерпретация отражает представление о структурном строении дискурса и его синтаксической природе.

Представители коммуникативно-речевого подхода рассматривают дискурс как коммуникативный процесс [Дейк, 1989: 35]. В основе такого понимания термина «дискурс» лежит понятие «речь». В соответствии с этим подходом дискурс это «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 2002: 136], т.е. речь в совокупности с экстралингвистическими факторами [Кожина, 2004: 13]. Это определение устанавливает необходимость исследования условий создания дискурса для его дальнейшего изучения. Данное условие делает термин дискурс неприменимым к древним текстам, условия создания которых невозможно проследить и сконструировать.

Кроме того, дискурс может быть characterized как когнитивный процесс. По мнению Е.С. Кубряковой, нельзя отрицать важность сознания и речепроизводства в процессе создания текста [Кубрякова, 1986: 44]. Дискурс также помогает закрепить результаты когниции и обеспечить обмен информации.

Наиболее емкое определение дискурсу дано в работе В.В. Красных «Свой среди чужих: миф или реальность?», согласно которой: «дискурс – это вербализованная речемыслительная деятельность, взятая во всей совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов и закрепленная в форме текстов» [Красных, 2003: 113].

Таким образом, можно сделать вывод, что дискурс антропоцентричен, по своей природе и пронизывает все сферы жизни человека. Это позволяет выделить различные типы дискурса. Рядом лингвистов были разработаны классификации дискурса.

Т.М. Николаева отмечает, что целесообразно выделить следующие опорные виды дискурсивных форм, опираясь, в первую очередь, на их функции [Николаева, 1978: 78]:

- диалог;
- связный текст;
- речевое произведение (устное или письменное);
- устная форма текста (разговорный стиль);
- группа связанных по смыслу высказываний.

Следует отметить, что в классификации Т.М. Николаевой почти полностью проигнорировано жанровое разнообразие дискурсов, т.е. не учитываются сферы их применения.

Иная классификация, учитывающая особенности речи, соответствия знакового отражения реальной обстановке и характера самой коммуникативной ситуации, предложена Г.Г. Почепцовым, [Почепцов, 2001: 367]. Такое количество критериев предопределяет огромный видовой разброс: теледискурс, газетный, религиозный, этикетный, политический, литературный, неофициальный, визуальный, невербальный и т.д. «Жанровый» подход Г.Г. Почепцова позволяет четко выделить особенности дискурса в зависимости от сферы его реализации, однако не учитывает иные экстралингвистические факторы, такие, как субъектов, целеполагания и т.д.

Система Г.М. Яворской [Яворская, 2000: 36] учитывает ряд различных факторов, как то:

- коммуникативные ситуации (дискурс экзамена, телефонного разговора);
- области речи (научный дискурс, бытовой дискурс);
- особенности построения сообщения (нарратив, коммуникатив);
- прагматика высказывания, целеполагание (инструкция, приказ).

Эта классификация сочетает в себе комплексный подход и огромное разнообразие критериев, что позволяет причислить одну дискурсивную ситуацию к различным группам.

В.И. Карасиком выделяет два вида дискурса: персональный и институциональный, первый из которых характеризует человека как личность через его внутренний мир, второй – человека как представителя определенного социального института [Карасик, 1997: 17]. Институциональный дискурс определяется самим типом института. Персональный дискурс делится на бытийный (художественный, служащий для самовыражения) и бытовой (созданный для общения).

Бытийный дискурс носит развернутый характер, в нем заключена попытка передать всю красоту внутреннего мира говорящего, для чего оказываются максимально задействованы все формы речи на базе литературного языка. «Бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [Карасик, 1998: 190].

Выделяют две разновидности бытийного дискурса: прямой и опосредованный. Прямой бытийный дискурс имеет две противоположные формы: смысловой переход и смысловой прорыв. Смысловой переход – это рассуждения, вербальное выражение мыслей и чувств, имеющих отношение к внутреннему миру человека. Смысловой порыв представляет собой «озарение, инсайт, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей. Опосредованный бытийный дискурс описан В.И. Карасиком как «аналогическое (переносное) и аллегорическое

(символическое) развитие идеи через повествование и описание» [Карасик, 1998: 187].

Если бытийный дискурс преимущественно монологичен, то бытовой, как правило, представлен в виде диалога. Он реализуется в форме общения между хорошо знакомыми людьми, вследствие чего протекает на сокращенной дистанции и носит пунктирный характер. В таком общении детали разговора зачастую опускаются по причине высокого уровня взаимопонимания собеседников.

Институциональный дискурс выделяется с учетом двух основных признаков: целей и участников общения. Основными участниками институционального дискурса являются агенты – представители института, клиенты, то есть люди, обращающиеся к агентам. Согласно Л.А. Шариковой, «для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами» [Шарикова, 2008: 212].

Основная специфика институционального дискурса определяется его типом, зависящим напрямую от типа общественного института, представляющего какой-либо концепт и наделенного особым наименованием, например: политический дискурс, религиозный дискурс, массмедийный дискурс, педагогический дискурс.

Одним из примеров институционального дискурса является массмедийный дискурс, известный также как медиадискурс, который лежит на пересечении большинства видов дискурсов, так как создается в рамках особой коммуникативной ситуации, обладает уникальной прагматикой и может протекать в любых областях речи.

Существуют два подхода к определению массмедийного дискурса. Первый ограничивает данный вид дискурса лишь информационным полем массмедиа. В данном случае происходит четкое отграничение этого вида дискурса от дискурсов, созданных в иной среде с помощью языковых техник, отражающих прагматику ситуации.

Последователи второго подхода определяют массмедийный дискурс как тот, что реализуется через массовую коммуникацию в сфере СМИ. В этом случае любой вид дискурса, использующий массмедиа для реализации, может называться массмедийным, с учетом особых техник генерации, хранения и передачи информации, характерных для массмедийного дискурса.

В современной лингвистике получил распространение именно второй подход, способствовавший закреплению определения массмедийного дискурса как «сообщения, созданного компонентами коммуникации в настоящий момент времени, одновременно со связанным действием» [Кожемякин, 2015: 45]. Данная трактовка отражает главную особенность массмедийного дискурса: направленность на взаимодействие социальных элементов (преобразование реального факта, события в социальное путем оглашения его общественности) и привязанность к текущему моменту во времени [Добросклонская, 2006: 14].

Кроме того, массмедийному дискурсу, использующему СМИ как площадку для донесения информации до масс, присуще свойство проективности, то есть трансляции представлений. Помимо трансляции объективной информации в рамках массовой коммуникации происходит также обработка социального сознания, конечным итогом которой является изменение восприятия мира и создание новой его картины.

Данный процесс формирования мировоззрения происходит вследствие отбора информации для СМИ и выбора лучших коммуникативных техник и языковых средств для ее передачи с точки зрения транслируемого сообщения. Таким образом, с помощью массмедийного дискурса может происходить смена бытийных, социальных и даже научных картин мира.

Именно массовое воздействие на социальное сознание выделяет массмедийный дискурс среди других. Основным отличием данного вида дискурса является существование в иной среде: медиапространстве или

медиафере. Медиапространство в лингвистике определяется как сфера существования массмедийного дискурса.

С точки зрения классификации, представляется возможным выделить следующие виды массмедийного дискурса [Матвеева, 1991: 40]:

- по каналам реализации: теле-, радио-, газетный, журнальный, интернет-дискурс;
- по функциям: PR, рекламный, социальный (публицистический);
- по жанрам: интервью, ток-шоу, реклама, выступление.

Дискурс ток-шоу представляет собой особую разновидность массмедийного дискурса, чаще всего реализуемого в телевизионном поле и несущего функцию социальной интеракции.

По освещаемым темам ток-шоу делятся на детективные, социальные, политико-аналитические, развлекательные, интеллектуальные и комедийные.

По структурно-композиционному признаку жанр ток-шоу относится к диалогическому жанру. Основными участниками ток-шоу являются: ведущий, участники (или аудитория), а также зрители. Возможно также участие экспертов и приглашенных гостей. Главной особенностью данного вида дискурса является временная локализованность сообщения.

События, обсуждаемые в рамках ток-шоу, нередко не имеют привязки к определенному времени, отчего речь собеседников лишена маркеров конкретного времени: «вчера, сегодня, затем, на прошлой неделе». Вместо этого темой обсуждения часто выступают вневременные проблемы: вопросы морали, жизненных убеждений и принципов, философских проблем. Однако обсуждение происходит «здесь и сейчас», в рамках определенной коммуникативной ситуации, что и называется временной локализованностью.

Дискурс ток-шоу, как и любой другой, представляет собой взаимодействие, но в случае ток-шоу основной посыл состоит в внедрении личностного восприятия ведущего или коммуникатора в сознание зрителя и их взаимовлиянии в процессе формирования нового взгляда на мир. Зритель

должен быть вовлечен в телевизионную коммуникацию и активен [Салихов, 2014, с. 50].

Содержательный компонент дискурса ток-шоу составляет рассмотрение (в диалоге или монологе) социальных, политических, экономических, межличностных проблем. Информация, как правило, несет конфликтный характер для наилучшей репрезентации информации и побуждения к более активной интеракции.

Взаимодействие между участниками чаще всего происходит в форме диалога. Именно эта форма позволяет вовлечь зрителя, помочь ему развить эмоциональную привязанность к проблеме и ее обсуждению, а также косвенно поучаствовать в нем. Для повышения зрительской активности могут быть предусмотрены следующие техники: организация опросов зрителей, расширение тематики программы, а также вовлечение интересных личностей для участия (художников, музыкантов, политиков) [Зверева, 2005: 12].

Крайне важную роль в ток-шоу играет ведущий, выступающий основным создателем и модератором процесса генерации дискурса. Как правило, это яркая языковая личность, способная не только задавать вопросы, но и быстро адаптироваться к ситуации, вести диалог в нужном русле, делать выводы и направлять мысли участников и зрителей необходимым курсом. Зачастую именно ведущий является определяющей частью ток-шоу, и те или иные телепередачи обретают успех именно благодаря личности интервьюера, что впоследствии закрепляется в названии и становится визитной карточкой шоу: «Jimmy Kimmel Live!», «Late Night with Jimmy Fallon» и т.д.

Кроме того, дискурс ток-шоу в классическом виде представляет собой диалог в форме «вопрос-ответ», причем вопрос адресован конкретному человеку, а ответ ожидается с выражением личного, субъективного мнения.

Итак, что дискурс ток-шоу представляет собой один из видов массмедийного дискурса, особенностями которого является диалогическая

форма и временная локализованность. Основными участниками предстают зрители, живая аудитория и ведущий, между которыми происходит диалог, затрагивающий широкий спектр тем. Главной целью данного типа дискурса является вовлечение телезрителей в диалог и обсуждению социально значимых проблем и поиску их решения. Для этой цели дискурс ток-шоу выполняет следующие функции: воспитательную, рекреационную, каталитическую (для социума).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Проведенный анализ философских, логических и лингвистических теорий, посвященных модальности и дискурсу, позволяет сделать следующие выводы:

- когнитивные процессы занимают центральное место в жизни человека, позволяя ему получать знания о мире и закреплять их в виде концептов и категорий;

- концепты и категории закрепляются в сознании с помощью средств языка; язык является одним из основных инструментов когниции, включает в себя объективный и субъективный аспекты, присутствие которых определено наличием объективно существующего реального мира и субъекта, его познающего;

- центром системы языка являются категории, среди которых выделяют языковые (грамматические) и функционально-семантические, в число последних входит модальность, призванная выражать отношение говорящего к содержанию его высказывания, а также соотношение содержания высказывания и объективной реальности. В зависимости от типа отражаемых отношений различают соответственно объективную и субъективную модальность;

- модальные значения находят отражение с помощью ряда языковых средств, к числу которых относятся лексические, грамматические и просодические, называемые также модальными маркерами;

- семантическую структуру модальности в языке представляют четыре модальных оператора: «НЕВОЗМОЖНО», «ВОЗМОЖНО», «СЛУЧАЙНО», «НЕОБХОДИМО»; значения необходимости, возможности и невозможности составляют семантическое поле для все трех видов модальностей, в то время как значение случайности не актуализируется в поле деонтической модальности;

- эпистемическая модальность является субъективной, так как отражает отношение говорящего к достоверности суждения или знания. Она может быть выражена рядом различных средств языка (модальных маркеров) и, как антропоцентричная, присутствует в различных видах дискурса, в том числе в дискурсе ток-шоу;

- среди видов дискурса выделяют персональный и институциональный, в зависимости от позиции (роли) говорящего; в рамках институционального дискурса различают массмедийный дискурс, одной из разновидностью которого является дискурс ток-шоу; его основной посыл состоит во внедрении личностного восприятия ведущего или коммуникатора в сознание зрителя и их взаимовлиянии в процессе формирования нового взгляда на мир.

ГЛАВА 2. АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

2.1. Языковые средства выражения эпистемической модальности в разных лингвокультурах

Как было установлено выше, эпистемическая модальность является антропоцентрической категорией, может находить отражение в любом из видов дискурса, в том числе дискурсе ток-шоу. Рассмотрим особенности ее выражения.

Оценка достоверности составляет основу функционально-семантического поля эпистемической модальности. В таком высказывании присутствует субъект и объект оценки. Субъектом в таком случае является говорящий, выносящий оценку, объектом – событие или факт окружающей действительности, критерием – ее достоверность, основаниями – знания говорящего о ситуации, его наблюдения.

Основной характеристикой такого высказывания с эпистемической модальностью состоит в наличии оценки. В этом случае субъект находится в активном фокусе, поскольку его мнение составляет саму суть суждения, тогда как в дескриптивном высказывании в фокусе находится объект – окружающая действительность. Открытое присутствие субъекта в речи при выражении оценки, однако, необязательно. Суждения, в которых субъект отсутствует, содержат имплицитное выражение модальности: «**It seemed likely that you had doubts over the matter**» (Top Gear). В данном примере структура *it seemed* выражает вероятностное значение «кажется».

Эксплицитное выражение категории модальности означает присутствие в речи субъекта и содержит его взгляд на объективную действительность. Такой способ выражения модальности позволяет избежать недопонимания и неверной трактовки суждения. В случае экспликации

модуса (мнения субъекта) происходит авторизация высказывания, или субъективация подачи информации.

Субъект может выбирать разные способы вербального выражения оценки, в зависимости от ряда причин. Ряд лингвистов утверждает, что одним из критериев выбора языковых единиц может служить степень уверенности в высказывании. В таком случае ее можно формализовать и шкалировать. Однако мнения ученых на этот счет разнятся: некоторые [Kiefer, 1986: 54] центрируют градацию вокруг достоверности без лингвистического показателя, по краям располагая проблематическую достоверность, выражаемую словами *perhaps*, *allegedly*, и категорическую достоверность, показателями которой являются *surely*, *undoubtedly*. При таком подходе считается, что высказывания с показателями категорической достоверности выражают большую степень уверенности, чем высказывания без показателя. При сравнении суждений: «**I thought that he is surely right**» (The Graham Norton Show) («Я думал, что он наверняка прав») и «He is right» (Actors on Actors) («Он прав»), по их мнению, можно отметить небольшую разницу в уверенности, однако невозможно судить об этом точно без анализа интонации и прочих экстралингвистических факторов. Лингвисты, не разделяющие такой подход, например, Дж. Лайонз, уверены, что именно дескриптивное высказывание является самым сильным показателем достоверности факта, поскольку введение любого эпистемического показателя вносит элемент сомнения [Lyons, 1979: 566].

Многообразие средств выражения эпистемической модальности предопределено ее принадлежностью к числу функционально-семантических категорий. Выделяют следующие маркеры эпистемической модальности в английском языке [Nuyts, 2001: 201]:

- грамматические маркеры: модальные глаголы (*must*, *should*, *can*, *may*, *might*, etc); разделительные вопросы (*You thought he'd help, didn't you?*, etc), конструкции вида «личное местоимение в сочетании с глаголом мыслительной деятельности» (*I thought, she presumed, they doubted, etc*),

устойчивые синтаксические структуры (to be likely to, to be sure, etc), условные предложения (I heard she was a vile woman, but I don't know if it is true (The Graham Norton Show));

- лексические маркеры: вводные модальные слова (evidently, inevitably, etc), наречия-аппроксиматоры (kind of, sort of, etc.), вероятностные наречия (surely, certainly, probably, etc.); номинативные единицы со значением сомнения или уверенности (doubt, confidence, etc);

- просодические маркеры: интонация, паузация.

Схожие группы маркеров эпистемической модальности выделяются исследователями, занимающимися проблемами русского языка [Смурова, 2012: 3]:

- к грамматическим маркерам относят: модальные глаголы (мочь, быть и т.д.), разделительные вопросы (Ты знал о этом, не так ли?), конструкции вида «личное местоимение в сочетании с глаголом мыслительной деятельности» как части сложных предложений (я думал, она полагала, он считает и т.д.), наклонения (сослагательное: «он мог бы»);

- к лексическим: модальные слова (включая вводные: кажется, возможно, может быть и т.д.), краткие прилагательные с модальным значением (уверен, убежден, должен и т.д.), местоимения (какой-нибудь, как-нибудь и т.д.); номинативные единицы со значением сомнения или уверенности (уверенность, сомнение, вера и т.д.); пословицы и поговорки.

Просодические маркеры совпадают в обоих языках: интонация и паузация.

Средства выражения эпистемической модальности также могут быть объединены по функциональному признаку на одно- и поликомпонентные. Так, вводные модальные слова и вероятностные наречия выражают лишь степень уверенности говорящего, в то время как модальные глаголы выражают вдобавок степень обоснованности суждения. Модальные конструкции с местоимением 1-го лица также вводят эксплицитный модус, поскольку происходит непосредственное именование субъекта: *Я думал, что*

она придет – I thought she'd come (Top Gear). Вышеуказанное справедливо как для русского, так и для английского языков.

Функции, присущие маркерам эпистемической модальности в английском и русском языках, в целом, совпадают, включая собственно выражение эпистемической модальности, экспликацию модуса, авторизацию высказывания, снижение категоризации высказывания, повышение его экспрессивности. Однако отражение этой категории в речи представителей английской и русской лингвокультур имеет некоторые различия.

По мнению Л.А. Козловой и С.А. Добричева категория эпистемической модальности, будучи антропоцентричной (как субъективная), является также «культурно обусловленной» категорией: в зависимости от важности концептов, входящих в семантическое поле категории эпистемической модальности, для данной конкретной лингвокультуры, она может быть как широко репрезентирована средствами соответствующего языка, так и почти не встречаться в их речи. Представляется необходимым проанализировать важность категории эпистемической модальности в русской и английской лингвокультурах с помощью анализа частотности средств ее актуализации в данных языках [Добричев, 2013: 192].

С точки зрения исследования, ценность представляют языковые единицы, служащие выражению эпистемической модальности, а также выполняющие любую из следующих функций:

- понижение категоризации высказывания;
- повышение экспрессивности высказывания;
- экспликация модуса;
- авторизация высказывания.

Перечисленные функции являются отчасти эмотивными, они призваны вызвать отклик у собеседника. Л.А. Козлова утверждает, что специфика английской лингвокультуры предполагает прежде всего вежливость и отстраненность, чему соответствует снижение категоричности высказываний

[Добричев, 2013: 195]. Русская лингвокультура предполагает более эмоциональный подход к эпистемической модальности, что подтверждает обилие эмоциональных, экспрессивных высказываний.

Таблица 2. Маркеры эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу в английском и русском языках

Виды модальных маркеров	Модальные маркеры	Количество в английском языке	Количество в русском языке
Грамматические маркеры	Модальные фразы с глаголами мыслительной деятельности	101	80
	Модальные глаголы	67	48
	Разделительные вопросы	64	37
	Устойчивые синтаксические структуры (в т.ч. условные предложения и сложные предложения)	52	70
Лексические маркеры	Модальные слова (в т.ч. наречия, вводные слова, краткие прилагательные, наречия-аппроксиматоры)	98	112
	Номинативные единицы со значением сомнения или уверенности	27	15
	Пословицы и поговорки	3	8
Всего		412	370

Всего было выявлено 782 случая употребления эпистемических модальных маркеров: 412 – в английском языке, 370 – в русском. Примерно равное количество употреблений свидетельствует о важности концептов, составляющих категорию эпистемической модальности как для русской, так и для английской лингвокультуры.

Разница в употреблении различных видов эпистемических модальных маркеров в русском и английском языке требует более подробного изучения каждой из групп маркеров, служащих для выражения эпистемической модальности.

2.2. Лексические средства актуализации эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу

Среди групп маркеров эпистемической модальности присутствует многочисленная группа лексических маркеров. В английском языке к ним относят: вводные модальные слова (*evidently, inevitably, etc*), наречия-аппроксиматоры (*kind of, sort of, etc.*), вероятностные наречия (*surely, certainly, probably, etc.*); номинативные единицы со значением сомнения или уверенности (*doubt, confidence, etc*); в русском – модальные слова (включая вводные: *кажется, возможно, может быть и т.д.*), краткие прилагательные с модальным значением (*уверен, убежден, должен и т.д.*), местоимения (*какой-нибудь, как-нибудь и т.д.*); номинативные единицы со значением сомнения или уверенности (*уверенность, сомнение, вера и т.д.*); пословицы и поговорки. Рассмотрим каждый из видов подробнее.

Модальные слова, как правило, выражают степень уверенности субъекта в истинности факта или события окружающей действительности, колеблющуюся от нейтральной до категорической. Такие единицы английского языка, как *«certainly»*, *«surely»*, *«really»* выражают достоверность и уверенность: *«He **certainly seemed** very content the moment I agreed»* (Top Gear). Слова *possibly, perhaps, maybe, probably* служат для трансляции сомнения и предположения: *«**Perhaps it could've been** because three other actresses have declined the offer already»* (The Paul O'Grady Show).

В русском языке модальные слова являются наиболее частотным средством актуализации эпистемической модальности. Такие единицы, как *«кажется»*, *«возможно»* служат для выражения сомнения; *«верно»*, *«конечно»* – для выражения достоверности или уверенности, используются чаще всего: *«**Кажется**, он там был»* (Женский взгляд); *«Ты, **вероятно**, прав»* (Познер).

Как видно, модальные слова не имеют жесткой привязки к позиции в предложении. Они могут стоять как в начале, так и в конце высказывания.

При этом они не являются членами предложения, относятся к высказыванию в целом и являются опорой модуса. При изъятии модального слова из высказывания оно становится дескриптивным и констатирует факт, что правдиво как для русского, так и для английского языков: «It **probably could've been** because three other actresses have declined the offer already» – «It was because three other actresses have declined the offer already» (The Paul O'Grady Show); «**Казалось**, она недовольна самим его присутствием» – «Она недовольна самим его присутствием» (Женский взгляд).

Таким образом, вариативность семантических значений в рамках группы модальных слов небольшая. Необходимо отметить особенности следующих единиц русского и английского языков:

- модальное слово *maybe* чаще используется в высказываниях, ориентированных на выражение мнения говорящего: «**Maybe** I was mistaken after all» (Actors on Actors); эквивалентное модальное слово «возможно» может быть употреблено в предложениях, описывающих саму эпистемическую возможность ситуации: «**Возможно**, она там была» (Вечерний Ургант);

- слово *surely* в большинстве случаев встречается в вопросительных предложениях: «**Surely**, you do understand the consequences of your actions?» (Top Gear), эквивалентное ему слово «конечно» используется в аналогичных случаях: «Вы, **конечно**, понимаете всю серьезность ситуации?» (Познер).

Кроме того, модальные слова выполняют функцию привлечения внимания, способствуя течению коммуникации и выделяя фокус предложения: «She is **probably** going to prove us wrong» (Actors on Actors); «Наверняка он еще проявит себя» (Женский взгляд).

Некоторые исследователи [Ваулина, 1988, с. 14] выделяют три группы эпистемических наречий: слабые, промежуточные и сильные, в зависимости от степени уверенности, которую они выражают. К слабым относятся *maybe*, *perhaps*, *possibly*; возможно, наверняка, к промежуточным – *probably*,

видимо, видно, видать; к сильным – surely, certainly, of course, безусловно, очевидно, неоспоримо. Эпистемические наречия сопоставляются со значениями эпистемических глаголов, выражая сильную и слабую степень уверенности и сомнения: «This will **probably** going to be your last elections this year!» (Actors on Actors); «Это, **видимо**, лучший день в моей жизни!» (Вечерний Ургант).

В случае, если модальное слово не является единственным оператором эпистемической модальности в предложении, оно призвано усилить конструкцию или глагол, выражающий сомнение или уверенность: «There **probably may have been** some kind of misunderstanding on my part» (Actors on Actors); «**Кажется**, могло возникнуть недопонимание, мне жаль» (Познер).

Существующие в английском языке наречия-аппроксиматоры kind of, sort of не имеют однозначного эквивалента для выражения оттенка эпистемического модуса в русском языке, однако подобные значения могут быть переданы неопределенно сложно-местоименными наречиями русского языка: «Это был **какой-то** маньяк» (Женский взгляд) – «It **could've been some kinda** maniac».

Ограниченное употребление номинативных единиц со значением сомнения или уверенности объясняется необходимостью построения всей структуры предложения вокруг него, в то время как иные средства актуализации эпистемической модальности позволяют сохранить структуру предложения, добавив только маркер эпистемической модальности: «С **уверенностью** могу сказать, что он лжет» (Женский взгляд); «I **have doubts** over the matter» (Actors on Actors) – модальные маркеры встроены в структуру предложения.

Особыми лексическими средствами актуализации эпистемической модальности в речи участников ток-шоу выступают пословицы и поговорки. Их наличие в этом ряду обусловлено выполнением функции повышения экспрессивности высказывания. Чаще они встречаются в русском языке, поскольку в английском языке маркеры эпистемической модальности чаще

служат для снижения категоричности высказывания, что идет вразрез с повышением экспрессивности: «**Конечно**, это произойдет **после дождика в четверг**» (Вечерний Ургант); «He'll come **after Hell freezes over**» (Top Gear).

В русском языке также широко распространены краткие прилагательные со значением эпистемической модальности (убежден, уверен): «Я **глубоко убежден**, что он неправ» (Женский взгляд). В английском языке в таких случаях употребляются грамматические маркеры: конструкции с эпистемическими или модальными глаголами: «**I thought** he was right» (The Paul O'Grady Show).

Частотность употребления лексических средств со значением недостоверности превышает количество случаев употребления модальных маркеров со значением достоверности:

- в русском языке: 78% маркеров недостоверности (невозможно, вероятно, наверняка и т.д.); 22 – достоверности (уверен, точно, убежден, неоспоримо и т.д.);
- в английском языке: 75% маркеров недостоверности (probably, seemingly, etc.), 25 – достоверности (surely, of course, etc.).

Анализ случаев употребления средств актуализации эпистемической модальности показал, что наиболее частотными в русскоязычном дискурсе ток-шоу являются именно лексические маркеры, в то время как в англоязычном дискурсе ток-шоу, как наглядно демонстрируют вышеуказанные примеры, они чаще являются вспомогательными, сочетаясь с эпистемическими глаголами (мыслительной деятельности) или модальными глаголами.

2.3. Грамматические средства актуализации эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу

Среди грамматических средств актуализации эпистемической модальности в английском языке выделяют модальные глаголы (must, should,

can, may, might, etc.); разделительные вопросы (You thought he'd help, didn't you?, etc.), конструкции, построенные по модели I+V_{cogn.} (I thought, she presumed, they doubted, etc.), устойчивые синтаксические структуры (to be likely to, to be sure, etc.), условные предложения (I heard she was a vile woman, but I don't know if it is true); в русском языке: модальные глаголы (мочь, быть и т.д.), разделительные вопросы (Ты знал о этом, не так ли?), конструкции вида «личное местоимение в сочетании с глаголом мыслительной деятельности» как части сложных предложений (я думал, она полагала, он считает и т.д.), сослагательного наклонения (он мог бы).

Большее разнообразие грамматических средств выражения эпистемической модальности в английском языке свидетельствует об их преимущественном использовании, что подтверждают результаты количественного анализа модальных маркеров в речи участников ток-шоу. Аналогичные маркеры употребляются и в русскоязычном дискурсе ток-шоу, однако реже, чем в англоязычном. Представляется необходимым рассмотреть подробнее грамматические средства выражения эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу для выявления специфики их употребления.

Модальные глаголы наиболее характерны для английского языка в корне отличаются от прочих операторов имплицитным выражением модуса [Смурова, 2011. С. 4]. В высказываниях, где модальный глагол является единственным средством выражения эпистемической модальности, модус неотделим от диктума: «This **must have been** his reaction when he saw that picture» (The Graham Norton Show). Такие высказывания сложно отличить от дескриптивных ввиду семантической непрозрачности модальных глаголов, для чего зачастую в суждение вводятся дополнительные модальные операторы с значением сомнения или уверенности: «**I'm sure, this must have been** his reaction when he saw the picture». Дополнительные оттенки может также придавать интонация и маркеры с функцией авторизации.

Очевидно, в процессе коммуникации участники испытывают затруднения при считывании смысла высказывания, где модальность

выражена лишь глаголами соответствующего значения, поэтому, при отсутствии вспомогательных маркеров коммуникант обращается к инференции: анализу ситуации с точки зрения логики и привлечения базовых знаний и информации о ситуации. В связи с этим можно судить о имплицитности и имплицативности значения модуса в подобных высказываниях.

Прагматическая интерпретация суждений с модальными глаголами осложнена обилием возможных средств выражения различных оттенков эпистемической модальности, а также полисемией собственно модальных глаголов. Так, модальные глаголы обладают рядом значений (на примере глагола *may*):

- физической и умственной возможности: *It may be done*;
- разрешения или потенциальной возможности: *Yes, you may take that with you*;
- пожелания возможности: *May the force be with you!*;
- эпистемической возможности: *She may attend*;
- побуждения к возможности: *May we start the show!*

Не только глагол *may*, но и иные представители модальной группы имеют множество оттенков значений. Кроме того, им свойственна неоднозначности при трактовке модального значения. Так, в примере: «**She must show up very soon**» (The Paul O'Grady Show) можно выделить три значения глагола *must*: эпистемическое предположение возможности события, необходимости в связи с обстоятельствами или необходимости, обусловленной субъектом. Также возможна трактовка такого высказывания как суждения-предсказания о будущем.

Более того, модальные глаголы со схожим значением разнятся даже в рамках выражения эпистемической модальности, так как транслируют разную степень уверенности и сомнения:

- глагол *must* выражает сильную степень уверенности в каком-либо факте или событии: «**My mother must be very proud right now**» (Top Gear);

- may служит для выражения предположения или сомнения с низкой степенью вероятности: «She **may be** very proud... or she may not» (The Graham Norton Show);

- can транслирует значение предположения, но в целом редко используется для выражения эпистемической модальности без других ее показателей, поскольку чаще воспринимается в речи как показатель физической или умственной возможности: «She **can be** proud of you» (Actors on Actors);

- глаголы-формы may и can в прошедшем времени might и could – служат для выражения меньшей степени уверенности, чем в настоящем, либо для выражения сомнения в прошедшем времени: «She **might have been** proud of you» (Actors on Actors);

- глаголы should, ought to используются, как правило, для выражения сильной уверенности в чем-либо в прошедшем времени: «She **should have been** so proud» (Actors on Actors).

Все эти особенности зачастую приводят к неверной трактовке высказывания в дискурсе, что является «речевым браком». Во избежание подобного в речи практикуется экспликация модуса с привлечением иных видов модальных операторов, будь то:

- фразы с эпистемическими глаголами: «**I suppose he must have been** too busy to reply» (Top Gear);

- модальные слова: «It **could easily have been** the most stunning woman I've ever seen» (The Paul O'Grady Show); «**Apparently** our friend here **might** be lost in thought» (The Graham Norton Show);

- различные конструкции: «**It seems** to me that our audience **may be** misguided by your assumptions» (The Graham Norton Show).

Таким образом, модальные глаголы в английском языке в качестве показателей эпистемической модальности, как правило, не употребляются и не рассматриваются без других модальных маркеров.

Поскольку модальные глаголы нехарактерны для русского языка, они используются для выражения эпистемической модальности гораздо реже, чем в английском. Наиболее употребимыми для выражения модуса являются глаголы «мочь», «быть» (в значении будущего времени).

В русском языке для выражения эпистемической модальности широко употребляется глагол «мочь» в различных формах: «Он **сможет** прибыть» (Женский взгляд); «Она **могла бы** объяснить ситуацию» (Познер) (в данном примере присутствует также частица сослагательного наклонения «бы»). При этом модус так же, как и в английском языке, выражается имплицитно и требует сопровождения дополнительными модальными маркерами (как правило, лексическими): «Вероятно, она смогла бы объяснить ситуацию». Глагол «быть» может употребляться в сочетании с другими средствами актуализации эпистемической модальности как вспомогательный, отображающий состояние субъекта, либо в составе сочетаний слов: «**Можешь быть уверен**, он придет на помощь» (Познер); «**Стало быть**, неверным было твое чутье» (Познер).

В отличие от модальных глаголов, эпистемические глаголы помогают выразить модус эксплицитно. Присутствие субъекта в высказывании наиболее заметно при использовании фраз, содержащих местоимение 1-го лица единственного числа, номинирующее говорящего. В случае его употребления происходит авторизация суждения. Такие высказывания содержат эксплицитный модус, выраженные упоминанием субъекта. Эпистемическая модальность в таких суждениях в английском языке выражается глаголами мыслительной деятельности: to think, to consider, to believe, to suppose; в русском языке – думать, знать, полагать.

В случае присутствия иного модального маркера фразы с эпистемическими глаголами призваны выполнять прагматическую функцию, усиливая присутствие субъекта суждения, умаляя категоричность высказывания и дублируя эпистемическое значение: «**I believe** Paul tried to reason with her, but **must have failed miserably**» (Actors on Actors); «**Думаю**, он

пытался разобраться в ситуации, но, **должно быть**, не смог» Для выполнения этой функции необходимо выбрать такие средства выражения эпистемической модальности, которые будут дублировать степень уверенности или сомнения.

Кроме того, при дублировании фразой иного эпистемического показателя происходит его модуляция, за счет чего повышается экспрессивность высказывания в целом: «She **supposedly** believed that his intentions **might just** be true, so she fell» (Actors on Actors); «Мой муж, **кажется, действительно** верил в непоколебимость своих суждений» (Вечерний Ургант). В данных высказываниях происходит насаивание модального слова и фразы, что многократно повышает экспрессивность предложения.

В случае, если модальная фраза является единственным средством выражения эпистемической модальности, она выполняет свою основную модальную функцию: «I **consider** your words are just» (Top Gear), «**Думаю, Вы правы**» (Познер). В большинстве суждений модальная фраза делает высказывание практически тождественным дескриптивному, поскольку констатирует факт действительности в глазах говорящего, однако конечный смысл суждения может колебаться в зависимости от использованного глагола, так как все они выражают различную степень уверенности.

Частотность употребления эпистемических глаголов в английском и русском языках отличается, что показал анализ практического материала.

Таблица 3. Эпистемические глаголы в дискурсе ток-шоу

Глагол	Количество употреблений в англоязычном дискурсе	Глагол	Количество употреблений в русскоязычном дискурсе
to think	45	думать	30
to guess	21	знать	18
to understand	10	понимать	13
to consider	5	полагать	3

to suppose	4	считать	3
to assume	3	верить	2
to presume	3	предполагать	2
to insist	3	настаивать	2
to believe	2	допускать	2
to doubt	2	подозревать	2
to imagine	1	припоминать	1
to reckon	1	представлять	1
to claim	1	клясться	1

Глагол *to think* занимает первое место по частотности употребления в английском языке. Это обусловлено его семантической однозначностью, поскольку он выражает мысли говорящего по поводу окружающей действительности. Он может употребляться в повествовательных и вопросительных высказываниях: «**I think** he was obsessed with the idea at the time» (The Paul O’Grady Show); «Do **you think** it was because she was so devastated by the loss of her husband?» (Actors on Actors).

Вторым по частотности употребления в подобных фразах в английском языке является глагол *to believe*. Он выражает положительную коннотацию достоверности, убеждение, веру, особенно нерелигиозную, уверенность в идеях и убеждениях. В большинстве случаев его можно противопоставить глаголам *to think*, *to consider*, *to presume*, *to suppose*, выражающим предположение или сомнение. Самое употребляемое значение этого глагола – нерелигиозная вера в человека или идею: «**I believe** in his words» (The Graham Norton Show). В отдельных суждениях используется для трансляции убежденности и уверенности, подкрепляется наречиями или иными модальными операторами: «**I strongly believe** in the idea of the equality of both sexes» (The Paul O’Grady Show).

Глагол *to suppose* зачастую противопоставляется глаголу *to believe* и выражает, как правило, предположение, допущение, то есть более слабые

эпистемические значения: «**I suppose** she was not thinking for too long» (Actors on Actors).

Такие глаголы, как to consider, to presume, to guess образуют синонимический ряд глаголов, выражающих предположение. Доминирующими значениями глагола to guess являются значения угадывания, догадки, основанных на недоказанных гипотезах или иных слабых доказательствах, то есть слабые эпистемические значения: «**I guess** she was not sure enough» (Top Gear).

Стоит также отметить, что фраза I suppose, помещенная в конец вопросительного предложения как уточняющий вопрос, вопреки своему расположению, несет в себе смысл категорической уверенности: «So you predicted this would happen, **I suppose?**» (The Paul O'Grady Show). Некоторые исследователи усматривают и обратный компонент сомнения, однако в этом случае вопрос, как правило, сопровождается саркастической интонацией.

В данной фразе также имплицитно присутствует компонент категорической уверенности, связанный с профессией говорящего, подкрепленный публичным мнением или обильным жизненным опытом говорящего: «As a psychologist, **I suppose** he was too desperate to drag you into this» (Top Gear).

Несмотря на явно эксплицитный модус в предложениях с использованием модальных фраз эпистемическая модальность лучше всего считается при использовании дополнительного модального оператора: «**I presume** that he was **perhaps** too drunk to drive that evening» (Top Gear).

Эпистемические глаголы русского языка употребляются в дискурсе ток-шоу реже, чем в англоязычном (80 случаев против 101). Наиболее частотным является глагол «думать», за ним следуют глаголы «знать» и «понимать». Следует отметить, что на глагол знать приходится 10 случаев употребления с отрицательной частицей «не» и 8 без соответствующей частицы. Частое употребление глаголов, выражающих сомнение (или недостаточную степень уверенности), свидетельствует об общем

преимущественном употреблении маркеров недостоверности: «Я не думаю, что он прав» (Познер); «Он, полагаю, не совсем понимает, что происходит» (Вечерний Ургант).

Такие глаголы, как «верить», «настаивать», «клясться», являются наименее употребляемыми, поскольку выражают избыточную модальность уверенности, которая в русском языке чаще передается отсутствием маркера эпистемической модальности, выражающего сомнение, например: *Он был там*. В случае необходимости усиления этого высказывания будет использован скорее лексический маркер, например, «действительно», «несомненно». Фраза с эпистемическим глаголом будет употреблена с глаголом чувственного восприятия, в случае, если говорящий был свидетелем какого-либо события: «Я видел, он был там» (Женский взгляд).

В отличие от английского языка в русском языке эпистемические глаголы не требуют дополнительного указания на субъект в виде сопровождающего личного местоимения, поскольку сами глагольные формы способны указать на говорящего или на субъект мнения: «Не знаю, кажется, это было на самом деле...» (Познер).

Как и в английском языке, явно эмплицитный модус в высказываниях с использованием модальных фраз зачастую предполагает использование дополнительного модального оператора для авторизации субъекта или понижения категоричности высказывания: «Я допускаю, что, возможно, был слишком самоуверен» (Вечерний Ургант).

Иногда в речи участников ток-шоу наблюдается явление лексикализации, то есть преобразование глагола в наречие схожей семантики: *to presume – presumably, to doubt – (un)doubtfully, to seem – seemingly*. В целом, употребление таких наречий встречается редко, в рамках исследования было обнаружено менее 10 примеров: «**Allegedly**, she was arrested and then bailed with the help of the family...**must have been** lucky» (Actors on Actors). Как правило, семантика таких наречий совпадает с семантикой исходного глагола, однако встречаются примеры расхождения в

стилевой окраске языковых единиц (менее разговорные варианты употребления): «**It seems** it is haunted» - «**It seemingly** is haunted» (The Paul O'Grady Show).

В русскоязычном дискурсе ток-шоу феномен лексикализации находит широкое применение, так как лексические средства актуализации эпистемической модальности употребляются в речи чаще грамматических, однако наречия образуются не от глаголов мыслительной деятельности, а от глаголов чувственного восприятия: *видеть* - *видимо*, *слышать* - *слыхано*. Такие наречия используются для выражения общеизвестной истины или распространенного мнения: «**Где это слыхано**, чтобы гость вовремя приходил» (Познер).

В англоязычном дискурсе ток-шоу часто присутствуют конструкции вида *It seems (to me) that...*, а также их свернутые аналоги *to my mind, in my opinion, in my view*, по своим функциям мало отличающиеся от фраз с эпистемическими глаголами, однако имеющие дополнительные значения. Подобные конструкции встречаются и в русском языке в виде: *мне кажется, у меня есть такое чувство, по моему мнению, на мой взгляд* и т.д.

Так, конструкции могут употребляться для демонстрации не своего суждения, а общепринятого мнения или расхожей точке зрения, служа, тем самым, для деперсонализации суждения: «For all the world it **seemed like she must have been** an eternal shining star, but she was a mere human with her own concerns and worries» (The Paul O'Grady Show). В данном высказывании модальный глагол отражает степень уверенности, в то время как модальная конструкция служит деперсонализации субъекта оценки, поскольку представлено не мнение говорящего, но распространенная точка зрения. У модальной конструкции присутствует значение обоснованности, которое подчеркивает наличие оснований у публичного мнения.

Кроме того, модальные конструкции могут служить для деперсонализации модуса, позволяя усугубить субъектную перспективу предложения. На примере, представленном выше, можно убедиться, что

конструкция «it seemed like» производит авторизацию субъекта «all world», а говорящий дает оценку этому авторизованному суждению. Таким образом, субъект высказывания оценивает не дескриптивное высказывание, а суждение иного субъекта.

В русском языке такие конструкции выполняют диаметрально противоположные функции, позволяя авторизовать субъект высказывания за счет местоимений «мой», «мне», «моему» и т.д.: «**Мне кажется**, твое мнение очень ценно» (Познер); «**На мой взгляд**, эта картина – подделка» (Вечерний Ургант).

В результате количественного анализа грамматических модальных маркеров речи участников ток-шоу было выявлено преимущественное использование модальных фраз, сочетающих местоимение первого лица единственного числа I и глаголы мыслительной деятельности, выполняющих функции авторизации высказывания и экспликации модуса.

Редкое употребление модальных глаголов связано с их слабым эпистемическим значением, поэтому их использование предполагает связки с иными модальными маркерами (наречиями, частицами или фразами) для экспликации модуса.

Частотность употребления грамматических средств со значением недостоверности превышает количество случаев употребления модальных маркеров со значением достоверности:

- в русском языке: 67% маркеров недостоверности (я полагал, думал; могло быть и т.д.); 33 – достоверности (я клянусь; не так ли? и т.д.);
- в английском языке: 82% маркеров недостоверности (may, I thought, I assumed, etc.), 18 – достоверности (must, I insist, I swear, etc.).

Функции дискурса ток-шоу, связанные с привлечением зрителей к просмотру, выполняются эпистемическими модальными операторами опосредованно, в высказываниях, снабженных модальными маркерами для повышенной экспрессивности. Средства выражения эпистемической модальности также опосредованно выполняют задачу формирования

социального знания о проблеме и нового взгляда на мир, поскольку транслируют мнение авторитетной личности (участника ток-шоу) о конкретном факте объективной реальности, что способствует пониманию вопроса через призму восприятия другой личности, и, впоследствии, его возможному переосмыслению.

Таким образом, грамматические средства выражения эпистемической модальности являются наиболее частотными для англоязычного дискурса ток-шоу, реже встречаясь в русскоязычном дискурсе. Различия в специфике употребления данного вида маркеров эпистемической модальности объясняются, в первую очередь, различиями в грамматической структуре русского и английского языков, а также восприятием эпистемической модальности в соответствующих лингвокультурах.

2.4. Просодия как средство актуализации модальных значений в речи участников ток-шоу

Поскольку эпистемическая модальность лежит в поле субъективной модальности, она тесно связана с выражением мнения субъекта. Зачастую экспликация этого мнения в устной речи может быть эмоциональной, экспрессивной, что предполагает обязательное задействование просодии как средства актуализации модальных значений.

Просодические способы актуализации модальности представлены широким рядом интонационных средств выражения коннотативных смыслов высказывания, в них закреплены определенные смыслы (семантические значения). Среди этих значений могут быть эпистемические: сомнение, недоверие, протест, удивление.

Как в английском, так и в русском языке к просодическим средствам актуализации эпистемической модальности относится интонация и паузация. Рассмотрим это термины подробнее. Интонация представляет собой совокупность просодических характеристик предложения: тона, громкости,

темпа речи, а также ритмики [Кодзасов, 2001: 45]. Паузация – это размещение пауз в потоке речи.

Для того, чтобы проанализировать просодические характеристики речи участников ток-шоу в русскоязычном и англоязычном дискурсе ток-шоу, была использована программа WaveSurfer (School of Electrical Engineering and Computer Science, Sweden, 2011). С ее помощью были проанализированы паузы в речи участников ток-шоу, определены их интервалы.

В результате анализа речи участников ток-шоу было выявлено присутствие тенденции «отзеркаливания» – использования собеседником при ответе того же тона, что изначально употребил в своей речи говорящий (зачастую повторяется также модальное слово или глагол). Подражание или копирование тонов также часто встречается. Такой прием естественен для речи участников ток-шоу, так как зачастую гости не задумываются перед ответом, и повторение позволяет сэкономить время:

« – This is perhaps your last Oscars... You gotta make it this time...(пониж.)

– I don't know, perhaps... (пониж.)» (The Paul O'Grady Show).

При исследовании просодии можно отметить, что зачастую она употребляется в сочетании с невербальными маркерами неуверенности, также известными как экстралингвистические просодические жесты (приподнятая бровь, сморщенный лоб, нахмуренные брови). При этом жестикуляция наиболее активно употребляется представителями русской лингвокультуры, в то время как представители английской более сдержанны в своих жестах и мимике.

Тенденция к большей эмоциональности русскоязычных участников ток-шоу прослеживается и в интонации. Так, в русской речи чаще встречались восклицательные предложения, вопросительные предложения сопровождаются повышением тона голоса, повествовательные могут превратиться в восклицательные с помощью того же повышения тона голоса. В английской речи участников ток-шоу не наблюдается резких перепадов

тонов и громкости голоса вне зависимости от общего настроения высказывания или хода диалога. Так, одно и то же выражение со значением «кажется, ты неправ» в зависимости от языка ток-шоу передается следующим образом: «I don't think you are right» (The Paul O'Grady Show); «Нет, я уверен, что ты неправ!» (Познер).

Паузация в русскоязычном и англоязычно дискурсе ток-шоу имеет схожую мотивацию. Так, распространены хезитационные паузы, позволяющие гостю обдумать ответ: «Well... I'm not entirely sure... but»; «Знаете... я не совсем уверен, но думаю, что...» (Женский взгляд). Темп речи говорящего замедляется в случае неуверенности в высказывании (что объясняется трудностью в подборе слов и выражений). Уверенность, напротив, сопровождается быстрым темпом речи. Это справедливо для русскоязычного и англоязычного дискурса ток-шоу.

Обильное использование просодии как средства актуализации эпистемической модальности в русском языке свидетельствует о тесной связи данной категории с концептом «эмоции» в русской лингвокультуре. В английской лингвокультуре данная тенденция не наблюдается, поскольку категория эпистемической модальности связана с концептом «знание» (высказывания преимущественно спокойные, тон голоса не меняется).

Таким образом, просодия как средство актуализации эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу отражает специфику восприятия данной категории в соответствующих лингвокультурах и выполняет функцию выражения эмоционально-экспрессивной оценки факта объективной реальности говорящим.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Проведенный анализ случаев употребления маркеров эпистемической модальности в англоязычном и русскоязычном дискурсе ток-шоу позволяет сделать следующие выводы:

- эпистемическая модальность является антропоцентрической категорией, что обуславливает особенности ее выражения в различных лингвокультурах, поскольку она может восприниматься их представителями по-разному;
- в английском языке категория эпистемической модальности тесно связана с концептом «знание», в русском языке категория эпистемической модальности чаще связана с концептом «эмоции»;
- в английском языке эпистемическая модальность актуализируется с целью снижения категоризации высказывания, в русском – с целью максимально четкого выражения субъективной позиции по вопросу;
- частотность употребления лексических и грамматических маркеров эпистемической модальности в русском и английском языках в дискурсе ток-шоу примерно одинакова;
- просодические средства актуализации эпистемической модальности служат оформлению высказывания, не выражая модальности самостоятельно;
- лексические, грамматические и просодические средства актуализации эпистемической модальности как английского, так и русского языка в речи участников ток-шоу представлены в равных долях;
- большинство случаев употребления эпистемических модальных маркеров приходится на маркеры недоверности; маркеры достоверности зачастую опускаются в пользу дескриптивных суждений, констатирующих факт реальности;
- средства выражения эпистемической модальности опосредованно выполняют задачу дискурса ток-шоу по формированию социального знания

о проблеме и нового взгляда на мир, поскольку транслируют мнение авторитетной личности (участника ток-шоу), о конкретном факте объективной реальности, что способствует пониманию вопроса через призму восприятия другой личности, и, впоследствии, его возможному переосмыслению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование было посвящено рассмотрению и типологизации средств выражения эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу. Анализ теоретического и практического материала позволяет сделать ряд выводов.

Эпистемическая модальность определена как особый вид модальности, выражающий отношений говорящего к достоверности суждения или знания по отношению к факту или событию объективной реальности, а дискурс ток-шоу – как особый тип институционального дискурса, существующий в медиапространстве и протекающий в диалогичной форме «вопрос-ответ», направленный на внедрение личностного восприятия ведущего или коммуникатора в сознание зрителя и их взаимовлияние для формирования нового взгляда на мир. Модальные маркеры представляют собой языковые средства актуализации эпистемической модальности. К их числу относятся как лексические, так и грамматические средства выражения эпистемической модальности. В отдельную группу следует выделить просодические средства актуализации эпистемической модальности (интонацию и паузацию).

Установлено, что эпистемическая модальность, как функционально-семантическая категория, может выражаться рядом различных языковых средств, среди которых в английском и русском языке выявляют лексические, грамматические и просодические. В дискурсе ток-шоу они выполняют следующие функции:

1. выражение эпистемической модальности, формирование модальной рамки высказывания: *I'm sure she understands; Мне кажется, он был прав;*
2. экспликация модуса, авторизация высказывания: *Poor soul, she must've been very hurt, of that I'm certain, secure; Я уверен, я очевидно был прав;*
3. уточнение модуса высказывания в качестве вспомогательного маркера при неявном показателе эпистемической модальности: *She might*

have been ill, can't say for sure; По моим сведениям, мастер мог быть уже давно мертв;

4. повышение экспрессивности высказывания: *But she probably just went to the office, of course, she must have went to the office, this can't be any different; Что ж, возможно, ее словам можно верить, впрочем, я не до конца убежден в ее правоте.*

5. коммуникативные функции (поддержка собеседника, выражение вежливости, связка реплик в диалоге): *But darling, are you completely sure of your words? – Oh yes, completely sure; Вы можете подтвердить, что это чистая правда? – Конечно, все верно, чистая правда!*

В результате количественного анализа эпистемических модальных маркеров в речи участников английских и русских ток-шоу выявлено примерно равное количество случаев употребления лексических, грамматических и просодических маркеров. Общая частота употребления маркеров эпистемической модальности свидетельствует о преимущественно субъективном характере высказываний участников ток-шоу, предполагающего ответы на конкретно адресованные вопросы с выражением личного мнения индивида.

Были выявлены следующие особенности употребления эпистемических модальных маркеров в речи участников ток-шоу:

- в зависимости от превалирующего концепта, связанного с категорией эпистемической модальности в различных лингвокультурах (в английском языке – «знание», в русском языке – «эмоции»), можно выделить основную функцию модальных маркеров: в английском языке – снижение категоризации высказывания, в русском – максимально четкая экспликация модуса;

- как в английском, так и в русском языке лексические и грамматические средства обладают примерно одинаковой частотностью употребления;

- просодические средства актуализации эпистемической модальности оформляют высказывание, при этом не выражая модальности самостоятельно.

Функции дискурса ток-шоу, связанные с привлечением зрителей к просмотру, выполняются эпистемическими модальными маркерами опосредованно, в высказываниях, снабженных модальными маркерами для повышенной экспрессивности.

Средства выражения эпистемической модальности также опосредованно выполняют задачу формирования социального знания о проблеме и нового взгляда на мир, поскольку транслируют мнение авторитетной личности (участника ток-шоу), о конкретном факте объективной реальности, что способствует пониманию вопроса через призму восприятия другой личности, и, впоследствии, его возможному переосмыслению.

Различия в употреблении модальных маркеров в английском и русском языке в дискурсе ток-шоу связано с антропоцентричностью категории эпистемической модальности как субъективной, и проявляются в преимущественном употреблении модальных маркеров с целью снижения категоризации высказывания в английском языке и с целью экспликации или повышения экспрессивности модуса в русском языке. Это связано с особенностями лингвокультуры: излишняя категоричность в английском языке не приветствуется, в то время как в русской речи считается нормой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Адмони В.Г. Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л.: Наука, 1979. 256 с.
2. Аристотель Категории. М.: ГСЭИ, 1939. 84 с.
3. Аристотель Метафизика. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
4. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Текст. / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иност. лит., 1955. 416 с.
6. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальностей в английском и русском языках. Воронеж : Воронежский государственный университет, 1985. 180 с.
7. Битнер М.А. Совмещение онтологического и антропологического начал в семантике случайного // Философия. Социология. Политология. Томск: ТГУ, 2007. С. 44–47.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 310 с.
9. Бендлер Р. Трансформация смыслов. Лафайет: Real People Press, 1982. 208 с.
10. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2000. 160 с.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2014. 236 с.
12. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 114 с.
13. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке. XI-XVII вв. Л. : ЛГУ, 1988. 16 с.
14. Виноградов В.В. Современный русский язык, т. 1. Введение в грамматическое учение о слове. М., 1938(а). 720 с.

15. Виноградов В.В. Современный русский язык, т. 2. Грамматическое учение о слове. М., 1938(б). 720 с.
16. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
17. Гарипова А.Р. Метафора и манипуляция // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXIV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013.
18. Гарипов Р.К. Метафоризация и текст. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. С. 5.
19. Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 124–136.
20. Горский Д.П. Краткий словарь по логике. / Д.П. Горский, А.А. Ивин / ред. Д.П. Горского. М.: Просвещение, 1991. 208 с.
21. Гусев С.С. Наука и метафора. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 152 с.
22. Гутнер Г.Б. Субъект и индивид в коммуникативных практиках. М.: ИФ РАН, 2010. С. 97–108.
23. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
24. Т.А. ван К определению дискурса. Л.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. 384 с.
25. Демина Е.Б. Способы выражения модальности в газетно-публицистических текстах современного английского языка. Одесса, 1984. 128 с.
26. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
27. Демьянков В.З. Функциональные и структурные аспекты // Дискурс, речь, речевая деятельность. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 26–136.

28. Дешериева Т.И. Категория модальности в нахском и иноструктурных языках. М. : Наука, 1988. 148 с.
29. Дзялошинский И.М. Пропаганда в системе гражданских коммуникаций // Системные изменения в массовых коммуникациях и медиатекст. М.: Изд-во РГСУ, 2011. С. 4–46.
30. Добричев С.А., Козлова Л.А., Пшенкина Т.Г. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней / отв. ред. Добричев С.А. // Барнаул: АлтГПА, 2013. 243 с.
31. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации: статья // Вестник Московского университета, 10. 2006. 23 с.
32. Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений в германских языках. М., 1978. 149 с.
33. Зайнуллин М.В. Функционально-семантическая категория модальности (на материале башкирского языка). Саратов, 1986. 123 с.
34. Зайнуллин М.В. О сущности и границах категории модальности: монография. Уфа: Мир печати, 2000. 367 с.
35. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 204 с.
36. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд. МГУ, 1976. 308 с.
37. Зверева Г.И. Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2005, 2 (29). С. 25–40
38. Карасик В.И. Структура институционального дискурса Текст // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Колледж, 1997. С. 17–23.

39. Карасик В.И. О категориях дискурса. Текст // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград, Саратов: Перемена, 1998. С. 185–197.
40. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19.
41. Кодзасов С.В. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.
42. Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ в цифровую эпоху: расширение возможностей // Новое литературное обозрение. 2016. №2. С. 34–40.
43. Кожина М.Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст. Дискурс. Стилль: сб. науч. ст. СПб.: СПбГЭФ, 2004. С. 9–32.
44. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
45. Крушельницкая К.Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. 1956. №5. С. 55–57.
46. Купина Н.А. Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 216–233.
47. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. Текст. М., 1986. 159 с.
48. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
49. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование // Текст. Дискурс. Стилль. М.: 2011. с. 22–23.
50. Матвеева Л.В. Связь с аудиторией в телекоммуникации. М.: Гостелерадио Москва, 1991. 50 с.
51. Нагорный И.А. Пресуппозитивная функция модально-персуазивных частиц в высказывании // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. №20(191), вып. 23. С. 20–27

52. Найдина Д.С. Метафора в стратегиях манипулирования (актуализация эмоции страха) // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 57–63.
53. Никифоров А.Л. Книга по логике. М.: Гнозис. 224 с.
54. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. М.: Прогресс, 1978. 480 с.
55. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. 146 с.
56. Орлов Г.А. Современная английская речь. М.: Высш. шк., 1991. 240 с.
57. Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. 1998. №5. С. 24–53.
58. Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке // Studia Slavica. №3. Будапешт, 1970. С. 219–236.
59. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 160 с.
60. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974, 291 с.
61. Полонский А.В. Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова // Русский язык в современном медиапространстве. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: БелГУ, 2009. С. 151–160.
62. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», 2001. 656 с.
63. Рош Э. Принципы категоризации. Хиллсдейл: Лоренс Эрлбаум, 1978. 21 с.
64. Роцин С. К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал, 1990. № 5. С. 3–16.
65. Салихов А.Ю. Типология дискурса. Дискурс ток-шоу // Lingua mobilis. 2014. №5. С. 44–53.

66. Слинин Я.А. Об итерированных модальностях в современной логике. М.: Наука, 1970. С. 288.
67. Смурова О.В. Семиотические и несемиотические значения эпистемических высказываний с модальными глаголами // Материалы научной конференции МГЛУ. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 23 с.
68. Смурова О.В. Средства выражения эксплицитного модуса и его функции в эпистемическом высказывании // Материалы научной конференции МГЛУ. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. 23 с.
69. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века : Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
70. Стросон П. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М. : Прогресс, 1982. С. 55–87.
71. Тер-Акопов А.А. Юридическая логика. Москва: ИКФ Омега-Л, 2002. 256 с.
72. Трунова О.В. Семантические константы и дискурсная дивергентность форм категории модальности в английском языке. Москва: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 1995. 89 с.
73. Хлебникова И.Б. Сослагательное наклонение в английском языке. Саранск: Красный Октябрь, 1994. 176 с.
74. Храковский В.С. Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // Вопросы языкознания. 1994. №6. С. 129–139.
75. Шарикова Л.А. Основы теории дискурса: словарный дискурс // Грамота. 2008. №2. С. 212–214.
76. Шwegлер А. История философии. От досократики до средневековой схоластики. М.: Либроком, 2012. 172 с.
77. Шкондин М.В. Газетно-журнальная типология в условиях становления коммуникативной системы информационного общества //

Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2003. № 2. С. 12–32.

78. Яворская Г.М. Прескриптивная лингвистика как дискурс. К., 2000. 117 с.

79. Aikhenvald A.Y. Studies in evidentiality. Typological studies in language. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. 347 p.

80. Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.

81. Blakemore D. Evidence and modality. Oxford: Pergamon Press, 1994. 1183 p.

82. Cottle S. Mediatized Conflict. Developments in media and conflict studies. England, 2006. 298 p.

83. De Haan F. Typological approaches to modality. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. 169 p.

84. Dzyaloshinskiy I. Russia: Cultural Transformations, Tolerance, and the Media // Double Critique: Knowledges and Scholars at Risk in post-soviet Societies. The South Atlantic Quarterly. Vol. 105. N3. 2006. P. 617–636

85. Fintel Kai v., An opinionated guide to epistemic modality (with Anthony S. Gillies). Oxford: Oxford University Press, 2007. 131 p.

86. Kiefer F. Epistemic possibility and focus. Amsterdam: Benjamins, 1986. 161 p.

87. Kiefer F. Modality. Oxford: Pergamon Press, 1994. 2515 p.

88. Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.

89. Malcolm N. Knowledge and Certainty. Prentice-Hall, 1963. 244 p.

90. Nuyts J. Epistemic modality, language, and conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. 428 p.

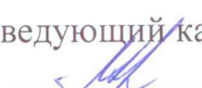
91. Palmer F.R. Semantics: A New Outline. Cambridge, 1976. 155 p.

92. Palmer F.R. Modality and the English Modals. London and New York: Longman, 1979. 196 p.
93. Palmer F. R. Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 236 p.
94. Pinxten R. Epistemic Universals. A Contribution to Cognitive Anthropology. Proceeding of a Colloquium of the Sapierwhort Hypothesis. The Hague Paris: Mouton, 1976. 175 p.
95. Rosen J. Making journalism more public. Communication: 1991. 284 p.
96. Saeed J. Sentence semantics 1: Situations: Modality and evidentiality. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2003. 143 p.
97. Thompson J. B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford, 1991. 234 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Вечерний Ургант [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/user/Urgantshow> (дата обращения: 26.05.2018).
2. Женский взгляд (Оксаны Пушкиной) [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/user/ntvru> (дата обращения: 26.05.2018).
3. Познер [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://goo.gl/apXXjX> (дата обращения: 26.05.2018).
4. The Graham Norton Show [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/user/OfficialGrahamNorton> (дата обращения: 26.05.2018).
5. The Paul O'Grady Show [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC4qlSjt3iYa4Gg8BKoi7Cdw> (дата обращения: 26.05.2018)
6. Top Gear [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/user/TopGear> (дата обращения: 26.05.2018)
7. Variety, Actors on Actors [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/user/Variety> (дата обращения: 26.05.2018)

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
 О.В. Магировская
« 20 » июня 2018 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ
ВЫРАЖЕНИЯ В ДИСКУРСЕ ТОК-ШОУ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

П.Е. Ботвина

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц.каф.ТГЯиМКК
Е.С. Мучкина

Нормоконтролер

Э. А. Тарасенко

Красноярск 2018